
А. Ю. НЕШИНА

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ БАЛЛАДЫ ОБ ИНЦЕСТЕ

Мотив совершившегося или предотвращенного инцеста составляет сюжетное зерно многих восточнославянских баллад. «Весь сюжетный комплекс, связанный с темой инцеста, ведет нас к определенным фольклорным традициям, переработанным и переосмысленным в народном творчестве в соответствии с новыми задачами художественного отражения, обобщения и активного преобразования действительности».¹

Многие ученые — психологи, этнографы, филологи изучали эту проблему. Наше исследование мы считаем нужным предварить краткой исторической справкой, где будут изложены некоторые взгляды на мотив кровосмешения в фольклоре.

Инцест (*лат.* *in* — «не» и *castus* — «благопристойный») — брак или половая связь ближайших кровных родственников. В мифическом времени совершаются межродственные браки, которые не являются нарушением норм: это прежде всего браки первопредков, представляющих собой единственную пару на земле (например, дети Адама и Евы), так что происхождение богов и (или) людей зависит от их по необходимости кровосмесительного союза — сакрального инцеста.²

Обобщая исследования по этой теме, В. Н. Ярхо³ писал, что моногамная семья в истории человечества оформилась не сразу. Ей предшествовали различные формы брака: групповой, затем так называемый кросскузенный, когда супругами становились двоюродные братья и сестры, входившие, естественно, в состав одного рода. По мере расширения хозяйственного обмена и общения между соседними племенами брак внутри рода (эндогамный брак) стал казаться нарушением естественного закона и предпочтение начало отдаваться брачным связям между представителями различных родов и племен (экзогамный брак). В греческой мифологии неприятие этой старой, уже отвергнутой стадии брачных отношений нашло отражение в мифе о Данаидах: дочери Дана, вынужденные стать женами своих двоюродных братьев, убивают их (кроме одной) на свадебном ложе. Только значительно позже Данаидам было придумано своеобразное наказание в мире мертвых: наполнять водой бездонную бочку.

«По мере того как более ранние стадии брачных отношений отходили в прошлое и начинали восприниматься как нечто противоестественное, возникали мифы, отражающие трагические — с новой точки зрения — ситуации, к которым могли приводить и, несомненно, приводили эти, уже преодоленные нормы поведения. Представление об инцестуозном характере половых

¹ Путилов Б. Н. Исторические корни и генезис славянских баллад об инцесте. М., 1964. С. 2.

² Левинтон Г. А. Инцест // Мифы народов мира: Энциклопедия : В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1991. Т. 1. С. 545.

³ Мифологические, исторические и литературные сюжеты в произведениях западноевропейской живописи и скульптуры / Предисл. В. Н. Ярхо. М., 1994. С. 11.

связей между родителями и детьми, между братьями и сестрами могло появиться только тогда и в таком обществе, где и когда этот тип связей стал запретным».⁴

В. Я. Пропп справедливо заметил: «Сюжет не возникает как прямое отражение общественного уклада. Он возникает из столкновения, из противоречий смещающих друг друга укладов».⁵

Наиболее характерный тип инцестного сюжета в развитых мифологиях связан с отношением к инцесту как к преступлению, стремлением избежать его и все-таки совершением инцеста, чаще всего по неведению. Это подразумевает наличие в сюжете сложной системы обоснований случившегося, часто включающих предсказание инцеста и попытки предотвратить его. Если речь идет об инцесте матери и сына, сюжет предполагает их разлучение, влекущее за собой неузнавание при встрече, следствием чего и становится инцест, как в мифе об Эдипе, балладе о вдове и ее сыновьях-корабельщиках.

Г. А. Левинтон⁶ считает, что миф выступает в качестве коллективного «фиктивного» опыта, мысленного эксперимента, рисующего последствия нарушения табу и таким образом демонстрирующего «от противного» необходимость его соблюдения.

Большую роль играл инцестный сюжет в психоаналитической теории Зигмунда Фрейда. Секрет эстетического воздействия трагедии Софокла «Царь Эдип» он раскрыл в своей работе «Толкование снов». В исследовании, проводимом Эдипом, зритель находит постепенное разоблачение своего собственного подсознательного стремления к убийству отца и к соединению с матерью и, освобождаясь от тягостного, хотя ранее и не осознанного гнета этих преступных желаний, испытывает чувство разрядки и душевного очищения.

С мотивом инцеста часто сочетается мотив отцеубийства (например, в мифе об Эдипе). В. Я. Пропп в статье «Эдип в свете фольклора»⁷ подробно рассмотрел эти мотивы. Сравнив фольклорные произведения разных народов, он пришел к выводу, что они связаны с изменяющимися традициями престолонаследования. Более ранняя традиция предполагала передачу престола через дочь властителя зятю (часто чужезланцу). При этом правитель убивался, и вся власть доставалась мужу царевны. Отсюда мотив инцеста. Например, после смерти родителей брат и сестра, не желая делить страну на части, оказываются перед необходимостью вступить в брак. Позднее традиция изменилась, и власть стала передаваться от отца к сыну. Тогда появился мотив отцеубийства, ведь убив отца, сын получал престол. Однако этот мотив не прослеживается в ряде сюжетов, в частности в интересующих нас балладах.

По наблюдениям Б. Н. Путилова,⁸ произведения об инцесте брата и сестры составляют три большие группы.

В первую входят мифы и связанные с ними разработкой данной темы сказки, сказания и произведения героического эпоса о брате и сестре — «первых людях». Здесь прослеживается прямая связь таких мотивов с традициями матриархата и, значит, их большая архаичность.

В произведениях второй группы мотив инцеста брата и сестры трактуется в духе позднего народного романтизма — как ужасное бытовое происшествие, явившееся результатом либо несчастного стечения обстоятельств, либо намеренного нарушения семейно-нравственных норм одной или обеими сторонами.

⁴ Ярхо Б. Эдипов комплекс и «Царь Эдип» Софокла // Вопросы литературы. 1978. № 10. С. 208.

⁵ Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Фольклор и действительность. М., 1976. С. 262.

⁶ Левинтон Г. А. Инцест. С. 546.

⁷ Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора. М., 1976.

⁸ Путилов Б. Н. Исторические корни и генезис славянских баллад об инцесте. С. 4, 5.

Третья группа — исторически промежуточная между двумя первыми. Все сюжеты этой группы строятся на мотиве непреднамеренного инцеста. Встреча брата и сестры, не узнавших вначале друг друга, обусловлена роковым стечением обстоятельств, цепью случайностей. Исходная ситуация всех сюжетов — вынужденная разлука, которая происходит обычно в раннем детстве.

«Во всех этих балладах драматическая напряженность сюжетных коллизий (вообще свойственная жанру) доводится до крайнего предела, основу сюжетного развития неизменно составляют ужасные совпадения и непоправимые случайности».⁹

Сюжеты второй и третьей групп представлены в восточнославянских балладах.

Всего было рассмотрено 213 текстов баллад.¹⁰

В народе достаточно широко распространена тема трагических взаимоотношений брата и сестры (реже матери и сына), связанная с мотивом инцеста. Среди традиционных восточнославянских баллад можно выделить 7 подобных сюжетов: «Братья-разбойники и сестра», «Охотник и сестра», «Брат женился на сестре», «Встреча сестры с братом-татаринном», «Дети вдовы», «Брат сватается к сестре», «Царь Давыд и Олёна».

В балладе «Братья-разбойники и сестра» семейный конфликт переплетен с социальным, значительное место в балладе занимает тема последствий разбойничества. Повествование о несчастной женской судьбе, изломанной волей обстоятельств, придает балладе особый трагизм, который усиливается введением в балладу темы трагической ошибки, слишком позднего узнавания и раскаяния губителей. Противопоставление семейного уклада и разбойничества как зла тоже является традиционной темой фольклорных произведений и усиливает эмоциональное воздействие на слушателя.

Лучшим вариантом баллады свойственны черты, производящие наибольший эмоционально-эстетический эффект, характерный для этого жанра вообще: стремительность и напряженность развития действия, лаконичность, суровая объективность и торжественность тона.

Варианты баллады «Братья-разбойники и сестра» на русском, украинском и белорусском материале можно разделить на две группы. Следует отметить, что начало и концовка в обеих группах совпадают. После общего: «У вдовы были сыновья и дочь. Сыновья пошли в разбой», — движение сюжета существенно различается.

К первой группе мы отнесем баллады, условно называемые «Моряночка»: сестра выходит замуж, едет повидать мать, по дороге на ее семью нападают разбойники.

Во второй группе баллады, в которых после ухода братьев сестры идут в лес по грибы, по ягоды. Одна заблудилась, ей встречаются разбойники, хо-

⁹ Там же. С. 1.

¹⁰ Материалом для исследования русских баллад об инцесте послужили тексты из сборников: Русская баллада / Ред. В. И. Чернышев. Л., 1936; Народные баллады / Вступ. ст. Д. М. Балашова. М., 1983; Былины Севера // Подг. текста, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951; Беломорские былины, записанные А. Марковым; С предисловием В. Ф. Миллера. М., 1901; Песни, собранные писателями: (Новые материалы из архива П. В. Киреевского). М., 1968; Великолукские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1892. Т. 1. Были использованы также записи из архива кафедры русского устного народного творчества МГУ (1970—1996). Тексты украинских баллад взяты из сборников: Баладні пісні / Вступ. ст. Г. А. Нудьги, А. И. Дей. Киев, 1968; Українська народна балада. Киев, 1986; Украинское народное творчество: Баллады. Семейно-бытовые отношения / Сост. А. И. Дей, А. Ю. Ясенчук, А. И. Иваницкий. Киев, 1988; тексты белорусских — из кн.: Балады ў дзвюх кнігах / Ред. К. П. Кабашников, В. И. Ялатов. Минск, 1977. Кн. 1.

Для сравнения традиционных баллад с песнями эпических жанров использовались сборники: Исторические песни. Баллады / Под ред. С. Н. Азбелева. М., 1991; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 2-е изд. СПб., 1894. Т. 1.

тят причинить ей зло. Но один из них до этого решает узнать, кто она такая. Далее следует рассказ сестры (повторение первой части баллады) и узнавание их родства. Инцест предотвращен.

Следует заметить, что баллады первой группы более распространены в России и Белоруссии, менее — на Украине.

Также следует отметить близость второй группы баллады «Братья-разбойники и сестра» к русской традиционной балладе «Охотник и сестра». Ее сюжет таков. Девки идут в лес по ягоды, одна из них заблудилась. Ей встречается охотник, который ее насилует, а потом спрашивает, кто она такая. Из рассказа девки выясняется, что ее братья пошли служить, а один стал охотником. Понимая, что изнасиловал собственную сестру, охотник кончает с собой, а сестру отправляет в монастырь.

А. И. Дей считает,¹¹ что варианты второй группы возникли как видоизменение вариантов первой, о чем свидетельствует сходная форма зачина, особенно локализация «на Подоле» и соотношение братьев и сестер не только 3 : 3, но и 9 : 3, 8 : 3, 7 : 3. Можно допустить, что причиной возникновения вариантов второй группы было желание людей, поющих баллады, обойтись без мотива инцеста — основного в вариантах первой группы.

А. И. Дей сближает вторую группу с западнославянскими балладами на тему «братья находят сестру», особенно со словацкими, так как в них присутствует мотив предупрежденного инцеста брат(ья)—сестра вкупе с однотипными деталями и ситуациями. По этому же признаку можно сопоставить варианты второй группы и сюжеты «Встреча сестры с братом-татаринном», «Брат сватается к сестре», а также те варианты баллады «Вдова и сыновья-корабельщики», где инцест предупрежден.

Далее А. И. Дей сравнивает эти баллады. Балладе про братьев-разбойников и их сестру близки некоторые варианты баллады про встречу брата-татарины (потурченного брата) с сестрой-полонянкой. В одних версиях она достается ему при разделе добычи после набега на село, в других он покупает ее на невольничьем рынке.

Баллады похожи не только основным мотивом узнавания брата и сестры, но и деталями: герои — дети вдовы, братьев девять, сестра одна, узнавание происходит на грани кровосмешения, даже имя — Настя — совпадает в вариантах проанализированного сюжета. В качестве примера можно привести формулу «гнали поле, гнали друге, на третьому спинилися», а также ситуацию узнавания, когда полонянка стелет постель.

То же можно сказать и про другую версию сюжета, где брат покупает полонянку, не зная, что она — его родная сестра. Композицией и содержанием она еще больше, чем предыдущая, напоминает балладу «Жила вдова на Подолі, та й не мала щастя-долі»: сходятся зачины, положение героев, сцена узнавания, повторение рассказа сестры в диалоге и последнее восклицание героя: «Хвалить Бога, що ми розпитались, — гріха не набрались, сестро моя!».

Итак, путем комбинации готовых мотивов и балладных блоков вокруг основного мотива (приобретение воином полонянки — неузнанной сестры) складывается целиком оригинальный сюжет. Как пример можно привести баллады «Охотник и сестра», «Брат женился на сестре», «Встреча сестры с братом-татаринном», «Брат сватается к сестре», былинку «Казарин» и ее балладный вариант, т. е. почти все традиционные баллады с мотивом инцеста.

В балладе «Встреча сестры с братом-татаринном» можно выделить 5 сюжетообразующих мотивов.

1. В начале баллады — экспозиция, описывается исходная ситуация: сестра попадает в плен к татарам.

¹¹ Дей А. И. Брати-розбійники і невпізнана сестра // Украинская народная баллада. С. 86—115. На украинском языке.

2. Далее дележ добычи: сестра-полонянка попадает к брату.
3. Брат приказывает сестре стелить постель, она плачет.
4. Диалог. Брат спрашивает сестру, откуда она родом, она отвечает.
5. Узнавание, выраженное формулой: «Богу дяка, — допитався, що я гріха не набрався».

С этой балладой можно сравнить русскую былинку «Казарин». Казарин узнает, что татары взяли в плен русскую девушку. Он ее спас и «повел девицу во бел шатер, как чуть с девицею ему грех творить, а грех творить, с нею блуд блудить».¹² Девушка плачет, и Казарин решает расспросить, откуда она родом. Из рассказа выясняется, что она — сестра Казарина. Они едут домой.

Изучая материалы славянского эпоса, Б. Н. Путилов делает вывод, что развитие традиционной сюжетной темы может идти двумя путями. Один путь — это создание героической эпической песни, второй ведет к созданию баллады — либо исторической, с элементами героики, либо бытовой, с усилением разного рода драматических элементов. При этом два пути нередко пересекались, и в героических песнях оказывались вполне уместными элементы балладной эстетики.¹³

Как пример можно привести песню «Казарин» — балладную обработку былины о Михаиле Казарине. В 1106 г. русский воевода Казарин отбил русских пленников, захваченных половцами. Упоминание татар — позднейшее переосмысление сюжета.

Б. Н. Путилов в статье «Сюжетные загадки славянского эпоса (песни о предотвращенном инцесте)» приводит сравнительно-исторический комментарий к сюжету о Казарине. «Его отлучают от семьи из страха перед угрозой кровосмешения, ставшей каким-то образом известной родителям. Тем не менее, вопреки стараниям родных, встреча героя со своей суженой все же происходит. Но она, как и во многих аналогичных случаях... оканчивается узнаванием и навсегда снимает висевшую над героями угрозу инцеста. Перед нами — архаический подтекст былины, ее традиционные корни».¹⁴

Еще один пример образования нового сюжета путем комбинации готовых мотивов — белорусская баллада «Брат сватается к сестре».

В начале баллады, как обычно, разлука брата и сестры, но мотивировка отъезда брата несколько иная — он едет искать себе панну, похожую на его сестру. По истечении семи лет он возвращается домой и сватается к сестре, которая отвечает ему обычной для баллад с мотивом инцеста формулой: «Як свет светам настаў, то брат сястры не ўзяў». Мы располагаем единственным вариантом этой баллады, в котором дальше, видимо, пропущена какая-то часть, а затем следует мотив превращения сестры в церковь.

Мотив превращения характерен для баллад с мотивом инцеста, но чаще всего брат с сестрой становятся цветами.

Итак, здесь мы видим набор мотивов, обычный для баллад о кровосмешении. Эта баллада отличается лишь мотивировкой отлучки брата — он ищет себе жену, похожую на его родную сестру. По этому отличию баллада и названа «Брат сватается к сестре».

Варианты баллады «Брат женился на сестре» можно найти в русском, украинском и белорусском фольклоре. Наиболее полными можно считать белорусские тексты, так как только в них есть зачин и немного рассказывается о жизни героев до их венчания. Мы узнаем, что отец, женившись в третий раз, посылает своих детей служить: «Ідзіце, дзеткі, служыці, чым мачысе гадзіці».¹⁵

¹² Сборник Кирши Данилова. СПб., 1901. С. 87.

¹³ Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб., 1999. С. 161.

¹⁴ Там же. С. 154.

¹⁵ Балады ў дзвюх кнігах. С. 259. На белорусском языке.

Здесь мы видим сказочный мотив — злая мачеха выгоняет детей мужа. Этим объясняется их отлучка из дома. В некоторых вариантах говорится, почему брат с сестрой расстались: «Сын пашоў к цару, а дачушка к шынкар-ру».¹⁶ Это один из основных мотивов в балладах с темой кровосмешения — обоснование долгой разлуки главных героев. Далее брат заходит в корчму (в кабачок, на рынок) выпить горилки (вина). На этом экспозиция, встречающаяся только в белорусских вариантах, заканчивается и переходит в основное действие, которое является началом русских, украинских и некоторых белорусских текстов.

Итак, «у Полацку на рынку п'юць малойцы гарэлку».¹⁷ Один просит «поверить» ему в долг, завязывается разговор с шинкаркой. Она узнает, что у него есть «грошей жбан», и решает выдать за него свою дочь. В некоторых вариантах уточняется:

Калі ў цябе грошай збан,
Я за цябе дачку дам.
Я не дачку — наймічку,
Харошую панначку.¹⁸

Следует заметить, что такое уточнение (замуж выдают не дочь, а наймичку) есть только в тех белорусских вариантах, где сохранился зачин. Во всех имеющихся у нас украинских, русских и частично белорусских вариантах шинкарка выдает замуж свою дочь.

Верю, верю, младый пан...
За тебя дочку отдам!
Моя дочка Анночка —
Распрекрасна кралечка.¹⁹

Сказано—сделано.

А ў суботу гулялі,
А ў нядзелю вянчалі,
А ў нядзелю вянчали,
У панядзелак спаць клялі.²⁰

Именно так описывается инцест в большинстве вариантов, оправдывая название баллады «Брат женился на сестре», — в 11 (из 18) белорусских и в 2 (из 3) украинских. В одном варианте говорится более прямолинейно: «Мы ў касцёле звянчаны і на ложы спазнаны».²¹

Итак, обвенчавшись и проведя вместе ночь, молодожены решают побольше узнать друг о друге. Следует диалог-узнавание брата и сестры, а затем — словесная формула (две, три) — моральный итог произошедшего. Такие формулы характерны для баллад об инцесте в белорусской и украинской традиции.

Чаще всего (11 раз) употребляется формула (обозначим ее А)

А Бог мяне пасцярог,
Што з сястрою спаць не лег,

а также сочетания с ней. И это несмотря на то, что выше было сказано: в понедельник венчали, во вторник спать кляли.

¹⁶ Там же. С. 256.

¹⁷ Там же. С. 247.

¹⁸ Там же. С. 250.

¹⁹ Русская баллада. С. 283.

²⁰ Балады ў дзвюх кнігах. С. 245.

²¹ Там же. С. 269.

Или как ее первая часть:

За што ж мяне Бог караў,
Што я з сястрой шлюб узяў.

В некоторых вариантах формула А имеет продолжение:

Яшчэ ж мяне Бог жалеў,
Што з сястрыцай грэх не меў.

9 раз (6 раз в белорусской и 3 в украинской традиции) мы видим формулу (обозначим ее В): «Бадай папы прапалі — брата з сястрой звянчалі».

Вместо «попы» может быть «ксендзы» или «мать». Встречается также удвоенная формула В:

Бадай папы прапалі,
Што з сястрою звянчалі,
Бадай маці прапала,
Што з сястрою спаць клала.

Сочетания формул А и В встречаются в 4 текстах.

Когда инцеста удастся избежать, используется другая формула: «...я грэху не жахнуў, — крыві сваёй не праліў».

Во всех белорусских и некоторых украинских вариантах баллады «Брат женился на сестре», а также в некоторых других балладах об инцесте («Вдова и дети-корабельщики» и др.) прослеживается мотив превращения брата и сестры в цветы. М. В. Гримич в своей диссертации²² пишет о том, что балладная песня «Брат и сестра превращаются в цветы»²³ довольно позднего происхождения и возникла не в лоне обряда (как было зафиксировано в прошлом столетии), а вошла в него в средние века. Об этом свидетельствует прежде всего историческая и социально-бытовая конкретизация, невозможная для архаического сюжета. Очевидно, ее возникновению предшествовали реальные события, которые и подверглись фольклорной обработке. На формирование финальной части баллады оказала влияние бытующая в то время этимологическая легенда о происхождении цветка «братки», вследствие чего к повествовательной канве песни о случайной встрече незнанных брата и сестры был накрепко присоединен мотив о метаморфозе героев как наказании за совершенный грех. Существовал целый комплекс причин, обусловивший быстрое вхождение этой песни в весенний и купальский обряды. С одной стороны, это ритуальная свобода общения полов в данные промежутки времени. К тому времени в ритуальной памяти в большей или меньшей мере, чаще всего в завуалированном виде, давали о себе знать отголоски обрядового промискуитета. А установившийся еще на стадии первобытной родовой общины запрет инцеста и усиление его актуальности в пору христианизации укреплялся песней, изображающей кровосмешение как непростительный грех. Такова была основная причина ритуальной значимости песни. С другой стороны, существовали и второстепенные причины такого факта. Во-первых, это вера в то, что на Ивана Купала часто появляются «живые мертвецы», и самый эффектный способ их отпугивания — весть о браке брата с сестрой, матери с сыном и т. д. Во-вторых, совпадение поры цветения «братков» с весенне-летним народным обрядовым циклом также влияло на закрепление баллады за народным обрядом.

²² Гримич М. В. Соотношение мифологического и исторического в украинской народной балладе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1990. С. 14.

²³ В настоящей статье эта баллада называется «Брат женился на сестре».

Исследователь А. С. Лис рассматривает мотив превращения в цветы (и баллады с сюжетом брат женился на сестре) в контексте песенных циклов белорусского земледельческого календаря.²⁴ Если брать купальские песни, то среди них наберется около десяти балладных сюжетов. Самым типичным и, может быть, самым старым является сюжет про брата и сестру, которые поженились, не зная о своем кровном родстве. Этот тип сюжета наиболее органично связан с купальской песней. В балладе прослеживается отголосок старого обычая свободы отношений между полами в купальскую ночь. «На Ивана Купала сестра с братом пропала».²⁵ Со свойственной жанру баллады установкой показать народную мораль — поучение-предостережение — песня рассказывает про брата и сестру, чьи отношения не дошли до кровосмешения. Чтобы передать весь ужас угрозы, которая нависла над молодыми людьми, баллада использует прием превращения их в купальские цветы. После того что случилось, брату и сестре нельзя оставаться теми, кем они были до сих пор. Один из них предлагает пойти в поле — «обернёмся травой, што брацетка з сястрою». В вариантах, где сочетается несколько мотивов наказания: обычно уход в лес, в монастырь, утопление, превращение в цветы, присутствует диалог. Монастырь не принимает грешников, Бог не прощает, зверь не ест, рыба выгоняет из моря. Брату с сестрой остается только превратиться в цветы.

Собственно превращения в балладе не происходит, брат только побуждает сестру превратиться в цветок. Замена метаморфозы схожим с ней мотивом также свидетельствует о довольно позднем характере песни. Воображаемое превращение имеет окончательный характер и фактически означает смерть героев. Концовка прямо указывает на праздник Ивана Купала как на время, когда будут вспоминать брата и сестру.

З Купалы на Івана
Прыдуць дзеўкі краскі рваць,
Будуць нас успамінаць:
Гэта тая травіца,
Што браційка з сястрыцай.²⁶

В одном варианте мотивируется, почему сестра стала синим цветком, а брат — желтым:

Ад таго яна сіменька,
Што плакала сільненька.
А брахненька жоўценькі,
Што ён плакаў моцненька.²⁷

Часто мотив превращения в цветы сочетается с мотивом ухода в лес на растерзание диким зверям. Этот мотив мы видим и в русской традиции. Он встречается также в других балладах о кровосмешении, например «Царь Давыд и Олёна», «Братья-разбойники и сестра». Мотив ухода в лес может быть сопряжен с мотивом ухода сестры в монастырь, а брата — в лес на верную смерть.

В одном украинском варианте имеется интересный диалог брата и сестры о том, как искупить этот грех. Брат просит сестру остаться: «...ты сиди тут», а сам собирается в «божий путь» спрашивать чернецов «як-то гріха збувати». Сестра просит дать ее «грошей міх», тогда якобы он не будет «ма-

²⁴ Лис А. С. Купальскія песні. Мінск, 1974. С. 103—105.

²⁵ Баллады ў дзвюх кнігах. С. 281.

²⁶ Там же. С. 248.

²⁷ Там же. С. 281.

ти гріх». Но брат отвечает: «Хоть я тобі дам грошей міх, аки буду мати гріх».²⁸

В белорусском варианте сестра предлагает брату взять острый меч и «снять голову с белых плеч», хотя «невінны наши галовы, вінны наши айцовы».²⁹ Но это исключение, обычно брат с сестрой во всем винят себя и сами несут наказание.

Итак, в украинско-белорусской традиции самый распространенный мотив в развязке баллады «Брат женился на сестре» — мотив превращения героев в цветы, который органично связан с купальской обрядностью. Популярны также его сочетания с другими мотивами. Превращение в цветы всегда используется героями как последний выход из сложившегося положения.

«Вдова и дети-корабельщики» отличается от других баллад с темой инцеста наличием мотива кровосмешения с матерью, сказочным мотивом чудесного зачатия от съедания орешка. Также в этой балладе прослеживаются поясняющие сущность мотива инцеста намеренное разлучение брата (братьев) и сестры в детском возрасте матерью и нанесение знаков, с помощью которых впоследствии происходит узнавание. Сюжет этой баллады можно трактовать и как переведенный на фольклорный язык обряд инициации.

Для анализа этой баллады использовано 56 текстов, в том числе 5 русских, 17 украинских и 34 белорусских. Зачин баллады «Вдова и дети-корабельщики» в восточнославянской традиции весьма разнообразен — более 15 вариаций. Наиболее интересен белорусский зачин со сказочным мотивом: вдова ест орешки и от них беременеет. Так объясняется рождение, в данном случае чудесное, ее детей.

В других вариантах вдова рождает сыновей, так как она «двух купчиков (двух молодцев) любила», «по базару ходила, полковничка любила», «по садочку ходила, двух парнишек любила», «по улице (в трактирчик) ходила», «офицера любила», «в контору ходила, конторщика любила».

В некоторых вариантах зачина нет, баллада начинается с того, что «вдовушка-вдова породила два сына». Здесь может использоваться символика «два сына — два ясных сокола». Иногда бывает два сына и дочь. Подчеркивается, что вдова «сама бабушкой была», т. е., видимо, хотела сохранить все в тайне. В некоторых вариантах она дает детям имена — чаще всего Иванюша и Василь, но бывают варианты — два Василя, Герасим и Василь.

Желая скрыть свой грех, вдова решает спустить сыновей на воду. В одном варианте ее решение мотивируется тем, что она «много горя приняла». Часто описываются ее приготовления: по рыночку носила, в лавочку ступила, китаечку купила. «В чорний китай сповила, срібром, золотом облила». Практически во всех текстах говорится, что вдова запеленала своих детей именно в китайку. Иногда она строит для них корабль. В одном русском варианте она решает:

Я положу-ту на дошшочку красна дерева,
Роспишу-ту я слова, каки мне надобно,
По словам шьчобы моих детей узнавали тут.

Снарядив таким образом детей в дорогу, вдова опускает их в Дунай, а в некоторых русских вариантах — в синё море. Дунай в общеславянской традиции, а море в русской обозначает всякую большую воду (ср. с балладой «Братья-разбойники и сестра»).

Жалея сыновей, вдова просит Дунай (море), рыбу-белугу, травушку-камыш, желтые пески и других позаботиться о ее детях. «Дунай ... гляди моих детей до семнадцати летей». Иногда ей отвечают: «Дунай кажыць: прыніму, я вадзічкay напаю». Мотив ответа также есть в развязке баллады. Например,

²⁸ Украинское народное творчество. С. 37.

²⁹ Баллады ў дзвюх кнігах. С. 270.

когда брат с сестрой идут топиться, море говорит: не приму, рыба говорит: выгону. Иногда вдова, отправив сыновей, идет в монастырь замаливать грехи, часто вместе с дочерью.

Итак, через какое-то время вдова идет по воду. Перед этим изредка встречается мотив вещего сна. Во сне она видит, как летят два «чёрна ворона да два ясна сокола».

Почти во всех текстах указано, сколько прошло времени. Чаще всего это 20 лет (в 16 текстах из 54), 17 лет (13 раз) и 12 лет (7 раз). Разнообразие вариантов велико — от одного до сорока одного года. Затем следует мотив встречи матери с сыновьями. Она видит приближающийся корабль с двумя молодыми людьми на борту. В одних вариантах они сватают вдову (иногда она соглашается, иногда отказывается, но отдает замуж свою дочь), в других она сама заводит с ними разговор о женитьбе.

Следует отметить, что инцест совершается лишь в некоторых вариантах, а в остальных инцест предупрежден, хотя мотивы наказания встречаются и в этих текстах.

Чаще всего после согласия вдовы на брак действие развивается, как в балладе «Брат женился на сестре», т. е. следуют венчание, диалог-узнавание и наказание — 10 вариантов.

Когда кровосмешения не происходит, в балладе сочетаются мотивы узнавания (или оно подразумевается), моральные формулы типа «А где мы бывали, того не слышали, кабы мать за сына шла, а брата с сестрой повенчала» и в некоторых случаях наказание (16 вариантов).

Трудно определить, совершился инцест или нет, так как в балладе часто даются противоречивые указания. В тексте могут соседствовать, например, две такие формулы: «Господь меня сберёг, что с сестрою спать не лёг» и «Бадай попы пропали — брата с сестрой обвенчали».

Исследовательница М. В. Гримич³⁰ считает, что сюжет баллады «Вдова и дети-корабельщики» относится к ряду архаических, а также что этот сюжет сложился на основе обряда юношеского посвящения. И сюжет песни, и архаический обряд инициации имеют одну семантическую основу. В первом случае она реализуется на языке песенного фольклора, во втором — на языке ритуала. Между двумя текстами существует определенная связь: происходит «перекодировка» ритуального текста на фольклорный. Эта баллада зафиксировала отзвуки славянского инициального обряда, совпадающего с элементами сходных обрядов других народов.

В пользу данной версии могут свидетельствовать факты повествовательной канвы песни: 1) мнимая смерть новорожденных; 2) воспитание мальчиков вдали от матери; 3) возвращение в брачном возрасте в род будущей жены; 4) женитьба.

Оторвавшись от семантики и структуры инициального обряда на достаточно отдаленном этапе развития восточного славянства, исследуемый сюжет стал восприниматься не как ритуально-мифологическое прошлое, а как реальная трагическая действительность. Те варианты, в которых в финале появляется мотив метаморфозы, демонстрируют соединение исторического плана с мифологическим. Финальная часть баллады во всех вариантах (как с превращением, так и без), очевидно, присоединяется к архаическому сюжету в христианскую пору.

Как пример сходства некоторых духовных стихов и баллад можно привести песню «Царь Давыд и Олёна». Отец приказывает дочери Олёне выйти замуж за родного брата. Она:

Закон не примаает,
Мать венца на главу не надевает,

³⁰ Гримич М. В. Соотношение мифологического и исторического в украинской народной балладе. С. 15, 16.

Всё с себя цветно платье кидала,
Башмачки и чулочки с ног бросала,
Побегла она по беленькому по снежочку,
По лютому по морозу.³¹

Олёна ищет защиты у отца, матери и брата: «Где это случилось, чтобы сестру родну брату взять?». Но везде получает пугающий ответ: «Назови ты меня лютым свекром, лихой свекровью».

Не раздумывая, девушка предпочитает смерть тяжкому греху:

Ох вы сбегайтесь, лютые звери,
Вы съедайте моё бело тело:
Моя душа много согрешила...
И собегалися лютые звери,
Солеталися карги-вороны, чёрны вороны,
Растерзали её тело белое
И растаскали её тело по чисту полю.
И пошла её душенька ко Господу Богу.³²

По предположению В. И. Чернышева,³³ этот сюжет основан на библейском сказании о сыне Давида Амноне и дочери Фамари (Вторая книга царств, гл. XIII, стих 1—18). Амнон, изнасиловавший Фамарь, судя по тексту Библии, мог сделать ее легальной женой (как сестру от другой матери). Пытаясь избежать насилия, сестра говорила брату: «Ты поговори с царем; он не откажет отдать меня тебе». После свершившегося факта Амнон потребовал, чтобы сестра ушла; не желая этого, она сказала: «Прогнать меня — это зло больше первого, которое ты сделал со мною», но была удалена братом. Этот текст проливает некоторый свет на содержание нашей легенды, в которой повествование перестроено в соответствии с христианским пониманием. Поэтический язык (повторения с нарастанием и др.), трагизм, композиция и ход сюжета песни позволяют отнести ее скорее к балладе, чем к духовному стиху.

В балладах тема инцеста раскрыта особенно ярко. Это видно из характеристики художественных средств изображения инцеста.

Рассмотрим особенности композиции и поэтики баллад о кровосмешении. В традиционных балладах мотив инцеста наряду с мотивом узнавания является кульминацией. Мотиву инцеста сопутствует и мотив раскаяния, в котором изображается психология героев, испытывающих трагическое потрясение. В балладе «Брат женился на сестре» говорится, что в момент венчания брата и сестры начала содрагаться церковь. В балладе «Братья-разбойники и сестра» трагическое узнавание описывается через действие, через внешнее проявление чувств.

Тут разбойничек закричал-упал,
Да схватил её за руки белые,
Начал плакати, горьки слёзы лить,
Кликать громко стал он разбойничков.³⁴

Атаман большой да прирасплакался,
Покатились слёзы по белу лицу,
В слезах он словцо вымолвил.³⁵

³¹ Народные баллады. С. 148.

³² Там же.

³³ Русская баллада. С. 454.

³⁴ Архив кафедры рус. устного нар. творчества МГУ ФЭ 06 : 2842—2847. Архангельская обл., Онежский р-н, д. Поле, запись 1965 г. от Первушиной Е. И.

³⁵ Великорусские народные песни. № 180.

В мотиве раскаяния также упоминается, что разбойники «тут стужились, прирасплакались», «расплакались, разрыдались», но это характерно только для русских текстов. В украинских и белорусских балладах эти мотивы раскрываются через формулы — в русских балладах таких формул нет. Они выражают либо облегчение по поводу совершившегося инцеста, либо удивление, как он мог совершиться. Таким образом, мы имеем два типа моральных формул.

Формулы первого типа «Яшче ж мене Бог сярог, што з сястрою (мамаю) спаць не лёг» встречаются в белорусских вариантах баллады «Вдова и дети-корабельщики». В украинских балладах сказано по-другому: «Слава Богу, що спитався, що з сестрою не звінчався».

Формулы второго типа более разнообразны. У белорусов они утверждают: «Теперь такой світ настав, що син маму (брат сестру) не пізнав». Также часто (в этой и других балладах об инцесте) встречается формула: «Бадай папы (маці) прапалі, брата з сястрой звянчали».

В некоторых вариантах контаминируются, усиливая выразительность, формулы первого и второго типа.

Центральный мотив баллад с темой инцеста — кровосмешение — описывается весьма скупой. В традиционных балладах чаще всего говорится «венчали», реже уточняется «спать клали». В балладе «Братья-разбойники и сестра», где речь о свадьбе не идет, используются иносказания «в полон (с собой) взяли», «молодой назвали», редко «прибесчестили», «обесчестили», «полюбили», «с нею тешились, измывались» или «грех творили». В балладе «Охотник и сестра» встречается иносказание «шутить шуточки».

За инцестом следует мотив наказания за такой грех. Это чаще всего сочетание разных наказаний, например, сестра уходит в монастырь, а братья — в лес на растерзание зверям.

В балладе «Братья-разбойники и сестра» братья с сестрой идут к матушке или провожают сестру. Часто братья пытаются возместить ей ущерб или ищут ей мужа. Встречается также отрубание головы и уход в поле, чтобы развеял ветер. В некоторых балладах брат кончает жизнь самоубийством.

Подводя итоги, можно сказать, что композиционное построение восточнославянских баллад об инцесте имеет общие черты. В экспозиции кратко сообщается о героях, затем развивается мотив инцеста и всегда сопутствующие ему мотивы раскаяния и наказания.

Сравнивая русские, украинские и белорусские варианты баллад об инцесте, можно сказать, что ход развития сюжетов одинаков, но различается степень разработки разных эпизодов. Например, в русском варианте баллады «Братья-разбойники и сестра» подробно рассказывается о том, как Моряночка ехала в гости к матери, а в восточнославянских вариантах об этом еле упомянуто. Особенность русских текстов в том, что в поэтическом языке преобладают положительные и отрицательные параллелизмы, а у восточных славян — моральные формулы.

В балладе «Брат женился на сестре» прослеживаются черты западного влияния; русских текстов этой баллады меньше, чем украинских и белорусских. В текстах баллады встречаются топонимы Полоцк, Киев, Брянск, Дунай; такие слова, как шинок, пан, кралечка и др. Следовательно, можно предположить, что этот сюжет заимствован с запада.

Скорее всего, большинство сюжетов с мотивом инцеста относится к периоду восточнославянского единства, поскольку в разработке этой темы балладными средствами много общего, несмотря на национальные различия.